
Ю. В. ЛЮБИМОВ

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРОШЛОМ*

Процессы глобализации прослеживаются в мировой истории от древности до наших дней. Они были связаны с различными политическими и экономическими обстоятельствами и при этом реализовали общее свойство социального бытия – самоорганизацию, в свою очередь способствующую формированию социокультурного пространства в его универсализирующей функции. Важную роль в обеспечении стабильности играла не только социокультурная близость, но и возникавшая благодаря ей инфраструктура. Ретроспективный подход дает возможность исследовать возможные пути и направления глобализации, а также пространственно-трансформативные возможности современного мира.

Этническое многообразие человечества оценивается тысячами различных групп¹. Попытки свести это многообразие к более или менее исчисляемому количеству путем типологизации показывают довольно сложную картину, тем более что таксономические единицы в таких типологиях являются подчас условными. Так обстоит дело с лингвистической, расовой, хозяйственной, «комплексной» (историко-культурные области) классификациями. Длительные и многосторонние взаимоотношения между народами приводят к появлению множества переходных форм, которые с трудом укладываются в «нормализуемые» схемы. Вместе с тем формируются иные образования: этнически разнородные, но близкие по социокультурным параметрам – полиэтнические общности. Если для большинства стран Европы определяющей тенденцией социально-политического развития было создание национальных государств, то большинство стран Азии и Африки в силу разных причин являются по существу полиэтническими.

Взаимоотношения этносов не всегда ведут к их интеграции. История человечества изобилует примерами истребления, крайне

* Работа выполнена по гранту РГНФ 08-03-00258а.

¹ Вряд ли возможны точные цифры. Считается, что на Земле живут 3–4 тысячи народов (Народы... 1988). Но сколько их на самом деле, установить невозможно. Только в Новой Гвинее около 700 разных народов, некоторые из них не насчитывают даже десятка человек (Брук 1986).

агрессивного отношения, подавления других народов. В то же время есть примеры значительно более *благополучные*, обусловленные формированием устойчивой системы интересов взаимодействующих народов. Подчас комплементарные отношения ограничиваются «симбиозом» (таковы отношения кочевников и земледельцев), но наибольший интерес для нашей темы представляют интеграционные процессы, ведущие к образованию единого пространства.

Важно различать в этом контексте такие понятия, как *территория* и *пространство*. Как отмечал Б. Ф. Поршнев, общность может быть экстерриториальной, т. е. не иметь *непосредственного* отношения к территории. В этом случае можно говорить о *пространственном* существовании общности². Живущие на разных территориях группы одного и того же этноса сохраняют *единое пространство* культуры, а следовательно, как показывает исторический опыт, долгое время сохраняют *особую* связь со своими соотечественниками³. Однако существуют и *особые* отношения между разными этносами, формирующими единую социально-политическую, хозяйственную, социокультурную территориальную общность. Нельзя сказать, что эти отношения совершенно «безоблачны», но факты подобного рода невозможно отрицать.

Ментальное пространство в отличие от физического (территории) хотя и более подвержено различного рода воздействиям, но все-таки в целом относительно более стабильно, так как затрагивает глубинные пласты культуры. Кроме того, ментальное пространство «неотчуждаемо». Территории могут быть «захвачены» или «утрачены», но при этом ментальность может сохраняться еще долгое время (Шукуров Ш., Шукуров Р. 2001). Так, завоевания Александра Македонского создали столь мощную «империю духа», что она сохранила свое значение и после смерти завоевателя, и даже после распада его империи⁴. Более того, даже не подвергнутые непосредственному воздействию средиземноморской культуры народы испытали ее социокультурное влияние, о чем говорят су-

² Ср. сформулированное Ю. В. Бромлеем (1973) различие «этникоса» и «этносоциального организма».

³ Классический пример – хуацяо, сохраняющие связь с родиной, а также русские эмигранты. В современной истории интерес представляют манифестации исламского единства, существование «советского» социокультурного пространства. Сохранение связи с «малой родиной» характерно даже для *внутренней* «экономической» миграции («*гастарбайтерство*»).

⁴ Интересна в методологическом отношении разрабатываемая Ш. М. Шукуровым (1999) концепция «Александрова пространства».

шествующие «Александрии» на Руси (Александрия... 1969) и в Монголии (Рорре 1959).

Получившие в последнее время распространение идеи глобализации, связанные с явным и неявным опасением либо стирания различий (стандартизация), либо подчинения некоему единому мировому центру, диктующему свою волю и тем самым определяющему место и роль всем остальным, оказались наиболее характерным знаком стыка тысячелетий. «Глобализацию в самой общей форме можно определить как возрастание роли внешних факторов (экономических, социальных и культурных) в воспроизводстве всех стран-участниц этого процесса, формировании единого мирового рынка без национальных барьеров и создание единых юридических условий деятельности для всех стран» (Широков 2004: 55). И хотя разговор о ней в основном характерен для 90-х годов прошлого века, это явление, как представляется, не беспрецедентно. Процессы образования полиэтнических сообществ связаны с процессами универсализации и диверсификации⁵ пространства, которые прослеживаются с самых ранних этапов истории.

Собственно «очеловечивание» Земли было, по-видимому, первым глобализационным «проектом». Расселение человечества, расширение ойкумены *привнесло* в историю Земли «человеческий фактор»⁶. История людей демонстрирует различные способы существования. Понятно, что благоприятный климат создавал гораздо более комфортные условия для развития, но и суровый климат в свою очередь способствовал «борьбе за жизнь» и стимулировал выработку особых средств защиты.

Можно привести немало примеров успешного приспособления к среде в различных климатических условиях, примеров изобретательности, проявления творческих способностей людей. Но не только природа воздействует на развитие общества. Столь же важны социальные условия существования, которые опосредствованно могут быть связаны с природными. В конце концов, природные богатства привлекают людей даже в районы с суровыми условиями жизни, а стремление к безопасности может подвигнуть народ к переселению в места со столь же неблагоприятными условиями. При

⁵ Связанной с «укоренением» или «усвоением», но подчас и противопоставлением универсализирующей культуре, что психологически родственно «контркультуре».

⁶ Хотя «бытие» и определяет «сознание» (в том смысле, что «сознание» есть *отображаемое* «бытие»), но «осознанное» определяет *человеческое* «бытие», «бытование» («жизнь») (Любимов 2007).

этом проявляются потрясающие способности человека приспособиться даже к такой среде. То же можно сказать и по поводу форм социальной организации, которые соответствуют потребностям общества и наиболее адекватно их удовлетворяют.

Условия моноэтнизма, т. е. существования этноса хотя бы в относительной изоляции, представляются скорее исключением, чем правилом. Наиболее благоприятные для жизни человека природные зоны издавна были предметом острой борьбы между племенами, а затем и государствами. Первые встречи с другими народами порождают разнообразные формы взаимодействия, сводимые к двум контрастирующим: противоборству и сотрудничеству. Но и в том и другом случаях определяющим фактором является сочетание интересов этих сообществ. И в том и другом случаях два сообщества оказываются в сфере *взаимовлияния*. Однако созданная система вскоре вновь актуализирует центробежные тенденции, которые требуют нового «*подкрепления*». Думается, что длящееся равновесное существование какого-либо человеческого сообщества принципиально невозможно, так как исключает развитие. (Подчеркну, что развитие не равнозначно пониманию прогресса, поскольку последний содержит в себе оценочное и часто одностороннее суждение. Развитие скорее можно рассматривать как *формирование* новых интересов и способов их удовлетворения – адекватных или даже неадекватных.)

Профессор Института экономического управления при Пекинском аэрокосмическом университете Вэй Дэцян «считает заблуждением постулируемый многими международниками “необратимый характер” глобализации. С его точки зрения, в истории было несколько волн глобализации» (Салицкий 2004: 168). Рассматривая расселение человечества на Земле, образование племенных союзов, появление государств, образование империй, а затем и эпоху колониальных захватов, пекинский эксперт пишет: «В самом широком историческом аспекте можно заметить: каждая конкретная волна представляла множество этапов и сложных (извилистых) движений человечества, сочетала разнообразные особенности, общей же закономерностью было усиление взаимодействия людей, уплотнение связей между ними и формирование (на время) ведущей планетарной силы» (Там же).

Собственно, природа таких оценок вполне ясна и связана с эпохой интенсивной европейской экспансии – эпохой колониализма.

Идеология европоцентризма, превосходства «белого человека» обусловлена результатами колониальных захватов. Однако и здесь мы встречаемся с разными путями таких процессов. У них своя история и, если можно так выразиться, своя предыстория.

Древние империи

В древности основой соперничества были добыча рабов и сохранение безопасности. Захваты чужих территорий приводили к созданию крупных империй, чье существование было не столь прочным и держалось на силе. Хотя были и примеры, достойные подражания. По крайней мере, как считали греки, Кир II «явился с востока, из государства, заменившего Элам, поэтому в официальной торжественной надписи он и именуется царем Аншана. И сам он ухватился за этот освященный древностью термин, который сообщал ему в глазах вавилонян больше почтенности да кроме того, заключал в себе программу наступления на запад – ведь некогда цари Элама владели Вавилоном и даже Сирией» (Тураев 1935: 109).

Не столь важно, соответствовало ли это действительности, важнее то, что эта идея стала своего рода «идеологической» подготовкой последующего завоевания. Безусловно, успеху захвата Вавилонии способствовали предшествовавшие победы, превратившие небольшое периферийное царство персов в сильное государство, включавшее обширные территории региона и вступившее в непосредственный контакт с греческим миром. Это, в свою очередь, повлияло на настроения и жителей Вавилона. «Благочестивый, но слабый и близорукий Набонид вооружил против себя все части населения, которое наконец поняло нависшую опасность», а это означало появление у Кира многочисленных союзников, «во-первых, недовольных существующими порядками и Набонидом, во-вторых – из иудеев, скоро понявших и оценивших последствия для себя успеха персидского царя» (Тураев 1935: 113).

Кир II захватил Вавилонию и сделал ее своей сатрапией, но при этом сохранил социальную структуру страны, более того, уважая местные традиции, он получил царство «из рук бога Мардука», следуя соответствующим местным традициям и исполняя священные обряды. Тем самым он воспринимался не как завоеватель, а скорее как освободитель от гнета Набонида. Эти настроения хорошо переданы в памфлете, направленном против Набонида, но написанном вавилонскими жрецами после захвата Вавилонии пер-

сами: «...справедливость он ниспроверг, [сильного и] слабого он убивал оружием... лишил [торговых] путей... разорил страну, не звучали в стране песни... не стало никакой радости... отнял их имущество... заключил их в тюрьму... злой демон овладел им, [лишь] злые демоны были на [его] стороне... не было у него [никакой] святости... никто в стране не видел его... он соорудил идол [бога] Сина...» (цит. по: Хрестоматия... 1980: 21–22).

Еще более важно, что Кир II не просто использовал «пропагандистское прикрытие», но и действовал в соответствии с чаяниями поддерживающих его слоев населения. Иудеи не только получили возможность вернуться на родину из вавилонского плена, персидский царь еще и содействовал восстановлению иерусалимского храма⁷. «Кир был первым великим арийцем в истории, создавшим универсальную монархию, не только отличавшимся большим политическим умом и дипломатической дальновидностью, но и пользовавшимся удачей, которая отдала в его руки Мидию и Вавилонию, раздираемые внутренними распрями и видевшие в нем не столько чуждого завоевателя, сколько освободителя. Его всеми признанная гуманность, коренившаяся как в личном характере, так и в более чистой религии, окружила его личность ореолом и составила в истории Передней Азии светлый момент между ассирийскими зверствами и позднейшим персидским деспотизмом. Он явился желанным для народов и ушел, обновив Азию и начав собою новый период ее истории. Персы называли его отцом, греки – образцом государя и законодателя, иудеи – помазанником Иеговы» (Тураев 1935: 119).

Его наследник Камбиз II, завоевав Египет, также принес жертвы египетским богам и исполнил соответствующие обряды. Сохраняя привычный образ жизни покоренных народов, не противопоставляя и не навязывая им своих обычаев, эти цари утверждали свою власть, учитывая местные особенности и блюдя их интересы (История Древнего... 1982: 144–145). Это было началом Ахеменидской державы, покоренной впоследствии Александром Македонским.

⁷ Текст эдикта сохранился в библейском тексте (1 Езд. 1: 2–4): «Так говорит Кир, царь Персидский: все царства земли дал мне Господь Бог небесный, и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее. Кто есть из вас, из всего народа Его, – да будет Бог его с ним, – и пусть он идет в Иерусалим, что в Иудее, и строит дом Господа Бога Израилева, Того Бога, Который в Иерусалиме. А все оставшиеся во всех местах, где бы тот ни жил, пусть помогут ему жители места того серебром и золотом и [иным] имуществом, и скотом, с добротным даянием для дома Божия, что в Иерусалиме» (Библия 1990: 298).

Стремление расширить сферы своего влияния многократно повторялось в истории общества. Уже отмеченный факт – создание Ахеменидской державы – свидетельствует о движении к универсализации окружающего мира, приведении его в управляемое, *доступное* пространство. Несмотря на то, что основатели державы проявили почти беспрецедентную мудрость (хотя, очевидно, был использован опыт «предшественников» – например Египта и даже Ассирии) в *создании* полиэтнического пространства, их потомкам пришлось *поддерживать* порядок силой. Тем не менее, Ахеменидская держава наметила переход от тактики силы к стратегии управления. (Недаром Ксенофонт использовал образ Кира как *идеально-го* монарха [Ксенофонт 1977].)

Еще более показателен пример империи, выстроенной Александром Македонским. Некогда периферийное Македонское царство распространило свое влияние не только на соседствующие греческие полисы, но захватило Малую Азию, Ближний Восток, Египет, Среднюю Азию и дошло до Индии. Таким образом, Александр *связал* Средиземноморье и обширные территории Азии в единое пространство, которое в культурном смысле представляло собой объединение в основном индоевропейской ойкумены и *медитерранианизацию* (Morris 2003) всего этого пространства.

В нашем случае неважно, какими целями руководствовались завоеватели, главное, что они включили в зону своего влияния огромные территории с многоязыким населением и сделали эталоном греческую культуру. При этом Александр представлял не локальную (македонскую), а «общегреческую» (κοινή) культуру. Александровы походы привели не только к распространению общегреческого языка, но и к становлению эллинизма как феномена. Даже после распада империи Александра язык и культура продолжали свое существование. Долгое время в Риме греческий язык был по крайней мере вторым разговорным языком высшего общества (Черный 1997). Империя Александра представляет редкий случай «успешного полиэтнического проекта» в истории человечества (Шукуров 1999), соединившего «разорвавшиеся»⁸ части индоевропейского мира: средиземноморско-греческую и индоиранскую.

⁸ Если древние греки (ахейцы, затем дорийцы) вторглись на территорию нынешней Греции с севера (т. е. к западу от Черного моря), то индоиранцы, как полагают, также с севера проникли в Среднюю Азию (т. е. к востоку от Каспийского моря), а впоследствии продолжили свои пути в разных направлениях: иранцы – на запад, а индийцы – на юг. Таким образом индоевропейский мир «разделился» на европейский и азиатский. Об этом говорят

Вступив в Малую Азию, Александр разбил персидские войска, но двинулся не прямо на Восток, чтобы закрепить победу и сокрушить Персидскую державу, а пошел на юг – в Египет, который почти без сопротивления подчинился македонскому царю. Он пока «еще не достиг своей конечной цели, успел пройти лишь часть Персидского царства, как уже в ливийском оазе его объявили сыном Амона, следовательно, богом. Государь Египта не мог быть иным, кроме сына Амона, и даже персидские цари считались в Египте богами, как впоследствии Птолемеи и римские императоры, а потому со стороны жрецов Амонова храма это была не лесть, а простое констатирование факта, как они его представляли во все продолжение трехтысячелетней истории, несмотря на смены династий и чужеземные владычества» (Тураев 1935: 203). Александр становится не просто македонским завоевателем, но «обожествленным» восточным монархом, имеющим *законные* права претендовать на «восточное наследство» («...если для египтян сын Амона был лишь синонимом фараона, то для греков и азиатов это было освящением монархического принципа божественною санкцией...») [Тураев 1935: 204]. Попытки укрепления власти человека с помощью богов были и до него. Однако при Александре культ царя достиг небывалого размаха. Получив «божественную санкцию», «триумфальным походом Александр движется все дальше на Восток, завоеывая земли, ранее подвластные Дарию. С удивительной гибкостью он приспособивался к новым условиям в этих таинственных странах, где победы в битвах не обеспечивали успеха в войне и где народы оказывали упорное сопротивление завоевателям. Одна за другой сдались ему Гиркания, Парфия, Ария, Арахосия. Вступив в Бактрию и Согдиану, он установил границу своей империи по Яксарту (Сырдарья) – Гиндукуш его не остановил» (Левек 1989: 7).

Но Александр завоевывал пространство не только силой оружия. «Этот герой эпосей был также и гениальным новатором, отрицавшим различие между греками и варварами, основу классического эллинизма, в пользу благородного идеала единства человечества. Нет более блистательного подтверждения мысли Плутарха

данные топонимики, факты истории языков. Любопытно, что эти различия проявляются, например, в соотношении велярных согласных «европейского» спирантам «азиатского» (так называемые *kentum*-языки и *satəm*-языки) (Лингвистический... 1990). И хотя к таким аргументам следует относиться с крайней осторожностью, так как они, несмотря на свою «объективность», при некритическом использовании побуждают к далеко заходящей мифологизации, но сам факт действительно представляет интерес (ср.: Гюйонварх, Леру 2001).

о том, что иногда история зависит от одного великого человека. Можно понять восхищение Пирра или Цезаря героем, который, не дожив до тридцати трех лет, успел создать новый мир» (Там же: 12). Даже распавшаяся после смерти Александра империя оставалась в пространстве единой культуры, усвоив достижения древних греков. В то же время универсализм пространства, получив мощный импульс, но уступая местным традициям и условиям, развивался своим путем, укоренялся, усваивался. Тем не менее, единство длилось и длилось благодаря значительному «подкреплению» греков, которые под нажимом варваров⁹, в частности кельтов, а затем и усилившегося вмешательства в «греческие дела» Рима покидали родные места, расселяясь в пространстве эллинистической ойкумены. Эти «переселения народов» имели два важнейших последствия. Во-первых, усугублялось положение культурной «метрополии». Материковая Греция уступала первенство островной (Родос, Делос). Во-вторых, укреплялось греческое влияние во вновь образовавшихся эллинистических государствах. Особенно преуспел Египет Птолемеев, но также царство Селевка I Никатора, Пергамское царство. «Новые» цари в определенном смысле продолжали политику Александра Македонского, строили города, которые были не только средоточием, но и центрами культуры. Александр, чтобы нивелировать различия своих подданных, стремился к распространению греческой культуры и, в частности, строил города (Александрии) во всех завоеванных странах (Тураев 1935). Он, если можно так выразиться, «застолбил» пространство. «Один только Селевк I основал 9 Селевкий, 16 Антиохий, 5 Лаодикей, 3 Апамеи и 1 Стратонику!» (Ковалев 1936: 29).

Принципиальное значение имела идея Александра о «культурном обмене», которая укрепила основу эллинизма. Она выразилась в практике *сотрудничества* с покоренными народами, конечно, не

⁹ «Первоначально термин “варвар” не содержал в себе никакого уничижительного значения. Варварами греки называли народы, не говорящие на греческом языке. Однако постепенно, особенно со времени греко-персидских войн, этот термин стал приобретать специфический характер. Для греков V–IV веков до н. э. варвар – это человек, не только не говорящий по-гречески, но и существующий в иных, нежели привычные для греков, формах политической и социальной организации общества. И племена, жившие в условиях первобытно-общинного строя, и народы, подчиненные монархической власти, – варвары. Важный показатель варварства видели и в ином, нежели у греков, характере культуры и быта. Эти идеи нашли свое наиболее законченное выражение у самого крупного из политических мыслителей Греции IV в. н. э. – Аристотеля. Согласно его идеям, варвары по самой своей природе более низкие существа, нежели греки, и, следовательно, предназначены быть рабами греков» (Левек 1989: 5).

всегда последовательной, но достаточно активной. Хотя на первых порах сатрапами завоеванных земель назначались «местные властители», вскоре их сменяют македонско-греческие. Но идея сотрудничества выразилась и в том, что Александр активно поддерживает смешанные браки, сам он женится на Роксане, дочери одного из владык Согдианы, а к тому же берет в жены еще двух персидских принцесс. Большинство его военачальников и *десять тысяч* солдат в один день сочетаются браком с местными девушками («свадьба в Сузах»). Не ограничиваясь этим, Александр приказывает воспитывать *тридцать тысяч* иранских детей на греческий манер. «Он стремился не к подчинению и уничтожению завоеванных народов, а, наоборот, к слиянию их с греками в единое гармоничное целое, в которое каждый внес бы свою лепту» (Левек 1989: 9). Хотя Александр и не был сторонником «панэллинизма», он своей деятельностью заложил основу единого пространства *Запада и Востока* (интересно, что Александрово пространство «восстанавливалось» в дальнейшем не один раз. Например, Византия и Османская империя и в определенном смысле даже государство Надир-шаха [Любимов 1996]).

Мировые религии

Своеобразным глобальным проектом была романизация, которая отчасти «использовала» достижения эллинизма, но в большей степени коснулась Европы. «На самых ранних этапах своей истории Рим сталкивался с народами, стоявшими на совершенно различных ступенях социального и культурного развития. Культура некоторых из них в былые времена сама оказала на Рим глубокое формирующее влияние, которое неизменно чувствовалось и после установления римского господства. Другие же области были населены так называемыми варварскими народами, культура которых за редкими исключениями была с точки зрения римлян – а также до сравнительно недавнего времени и европейцев – лишь набором курьезов, которые следовало прежде всего реструктурировать, ввести в привычные нормы своего мировоззрения» (Культура... 1985: 258). Это отмеченное С. В. Шкунаевым настроение во многом определило позицию «европейства» в последующие времена, особенно в период колониализма.

Вместе с тем римская культура оказала серьезное воздействие на консолидацию западноевропейской идеологии и противопоставление ее *восточной: европейской и азиатской*. Это заметно по ис-

тории распространения христианства. Западная Европа оказалась «последовательницей» римского католицизма, восточная – греческого православия. Как отмечает М. В. Ильин, «Римская цивилизация, прежде всего ее право и язык, а также и религия новой Константиновой теократии глубоко укореняются на всем пространстве *Pax Romana* и даже оказывают воздействие за ее пределами. В то же время военная инфраструктура германизируется. Сфера учености, свободных искусств и религии эллинизируется. Происходит варваризация и торгово-финансовой сферы. Наконец, всеобщее распространение римского гражданства ведет к растущему региональному разнообразию гражданских сообществ (*civitates*), обретающих свое галльское, британское, испанское или иное лицо» (Ильин, Бака 2002).

Интересно, что у основной массы германоязычных народов, не подвергавшихся непосредственному римскому влиянию, католичество реформировалось в различные направления протестантизма. Исключения составляют те германоязычные народы (австрийцы, немцы-баварцы), которые были включены в сферу непосредственного римского влияния. Что касается англиканской церкви, то она подверглась некоторому реформированию, но по ряду установлений занимает промежуточное положение между католицизмом и протестантизмом.

Однако, несмотря на активную обращенческую деятельность в отношении других народов, христианство осталось по преимуществу *европейской* религией (включая, конечно, континенты с преобладающим европейским населением). Особый интерес представляют сохранение христианства в Ливане и Сирии, а также в Эфиопии и сохранившаяся в Египте Коптская церковь. На наш взгляд, последнее обстоятельство может быть объяснено тем, что Египет времен античности был важнейшим центром раннего христианства. Арабские завоевания (и распространение ислама) коснулись прежде всего севера.

История мировых религий вполне может быть рассмотрена как своего рода глобальные проекты. Если христианство, буддизм, ислам существовали поначалу в «ортодоксальной форме», то после периода «усвоения» они приобретали своеобразные черты, которые не отменяли «источника», но подчас его «трансформировали». Хотя важная роль в «переформулировании» основ вероучений принадлежит «интеллектуалам», однако их трактовка в значительной степени отражает особенности культурного мировосприятия, воз-

никающего под воздействием многообразных особенностей бытования человеческих сообществ.

Несмотря на разнообразие внутри мировых религиозных систем, все они образуют общее для каждой из них пространство. Христианство – в основном Европа; ислам – Ближний Восток, Средняя Азия (откуда Поволжье и Западная Сибирь), Северная Африка; буддизм – Восточная и Юго-Восточная Азия. Основные исключения – христиане Филиппин, мусульмане Индонезии и Малайзии, буддисты Нижнего Поволжья. Это говорит в том числе и о важности рассмотрения не только территориального распространения, но и пространства влияния.

Колониализм

Распространение мировых религий непосредственно связано с колониационными процессами, которые характерны для мировой истории как в древности, так и в Средневековье. Отчетливые империяльные устремления можно отметить еще в истории Древнего Египта, Месопотамии, Ассирии и других держав, все-таки имеющих региональное значение. Упомянутая выше империя Ахеменидов уже претендовала на «мировое господство». Затем «инициатива» перешла к Европе: империя Александра Македонского и последовавшая эпоха эллинизма, Римская империя и романизация, Византия. И снова восточный «Drang nach Westen»: арабские, монгольские, тюркские завоевания. К подобным процессам можно отнести эпоху викингов в Европе и относительно локальные процессы в Индии и Китае. Однако в силу традиции колонизация чаще ассоциируется с *периодом* проникновения европейцев в страны Азии и Африки, т. е. *европейского* колониализма, начавшегося уже с крестовых походов.

Для него характерно четкое различие метрополии (центра) и колоний (периферии). Сам же характер колонизации в значительной степени обусловлен особенностями развития метрополии и колонизируемых народов¹⁰. Так, Испания и Португалия, начавшие свою экспансию одними из первых, ставили своей целью *натуральные* выгоды (вывоз ценностей и соответственно истребление народов, ими обладавших). Это был феодальный тип колонизации, военная экспансия. Иной тип реализовали Голландия и Британия,

¹⁰ Ср. различные процессы британской колонизации Индии (первая фактория Ост-Индской компании основана в 1612 году в Сурате) и Северной Америки (первый английский поселок Джеймстаун основан в 1607 году в Виргинии), начавшиеся в одно и то же время.

для которых важнейшим инструментом являлась фискальная система (вывоз капитала – капиталистический тип колонизации). И в том и другом случаях речь шла о *заморских территориях*. Особенно интересно, что единственная европейская колония Британии – Ирландия, захваченная в период Средневековья (захват начался во второй половине XII века), – подвергалась на протяжении веков наибольшему опустошению и разграблению (История Ирландии 1980). И это несмотря на «цивилизованную» колонизацию на Востоке, особенно в Индии, где британцы нашли комплементарного партнера, которого затем все-таки сделали хоть и «жемчужиной», но в «британской короне».

Русская колонизация принципиально отличалась от западноевропейской уже тем, что она распространялась на территории, непосредственно примыкающие к «метрополии». Кроме того, новые территории непосредственно *осваивались* русскими людьми, что в свою очередь формировало *единое* с «метрополией» социально-политическое пространство. Хотя подавляющее большинство населения России принадлежит к русскому этносу, страна вполне справедливо именовалась и именуется полиэтничной (многонациональной).

Вопреки распространенному мнению, что Россия включилась в процессы колонизации позже других европейских стран, в становлении Российской империи было три фазы колонизации. Первая определялась централизацией вокруг Москвы и освоением Поволжья в XV–XVI веках (именно *освоение*, а не *присвоение* представляет особенность русской колонизации. Хотя это не исключало силового завоевания, но никогда не было связано с истреблением местного населения, а, напротив, было нацелено на кооперацию). Вторая (в XVII–XVIII веках) – освоение Сибири, обусловленное вполне прагматическими соображениями, а не «воплощением идеи Третьего Рима» (международная торговля «мягкой рухлядью», а затем и поиск источников сырья). Третья – присоединение в первой половине XIX века Кавказа (в значительной степени политические цели) и во второй половине XIX века – Средней Азии (преимущественно экономические цели – создание альтернативного источника хлопка для текстильной промышленности из-за резкого снижения американских поставок вследствие Гражданской войны в США).

Колониальные империи в целом демонстрировали новый тип полиэтничных сообществ. Несмотря на негативные последствия,

они способствовали в определенной степени и позитивному развитию самих колоний, поскольку во многих случаях сыграли роль консолидирующего фактора, включили их в систему мирового процесса, явились стимулом для развития культуры в самом широком смысле слова, познакомив их с достижениями европейской цивилизации. Роль, на которую их обрекала метрополия, не могла не вызвать сопротивления. Однако влияние метрополии, несмотря на успехи национально-освободительной борьбы и фактическое крушение колониальной системы, сохранилось, поскольку сохранилось культурно доминировавшее пространство. Подчас (особенно в полиэтнических обществах колоний) роль «центра» принимали на себя те этнические и социальные группы, которые наиболее успешно *усвоили* тип отношений прежней колониальной администрации. Это же относится к сохранению относительно единого политического пространства: Британское содружество наций (*British Commonwealth of Nations*), Французское сообщество (*Communauté Française*), Содружество Независимых Государств.

Социализм и капитализм

Переломным моментом мировой истории явилась Октябрьская революция 1917 года. Ее воздействие на мировые процессы оказалось огромным. Как первое наиболее успешное воплощение «левых идей» она способствовала «разделению» человечества на тех, кто их поддерживал, и тех, кто им сопротивлялся.

Важным фактором стала общая установка революционеров на «мировую революцию». В связи с этим особое внимание уделялось международной деятельности, созданию и поддержке коммунистических организаций, чему способствовал Коминтерн. Ожидание революций в других странах серьезно отвлекало внимание от внутренних проблем. Тем не менее, в ВКП(б) было немало сторонников именно этого курса. После смерти В. И. Ленина осенью 1924 года обострившаяся внутрипартийная борьба вылилась в дискуссию, в которой группировка, поддерживавшая Л. Б. Троцкого, отстаивала идею «перманентной революции». «Вопрос о построении социализма приобрел особенную остроту, – пишет официальный источник. – Троцкисты утверждали, что в экономически и технически отсталой Советской стране в условиях капиталистического окружения и стабилизации капитализма без государственной поддержки победившего европейского пролетариата построить в СССР со-

циализм нельзя. Они толкали партию на капитуляцию перед капитализмом» (История Коммунистической партии... 1978: 346).

Помимо личного противоборства выявленная позиция наметила перспективы развития страны. Уже на XIV партийной конференции в 1925 году обозначилась затем утвержденная на XIV съезде ВКП(б) того же года концепция «построения социализма в СССР». Но «учитывая наличие капиталистического окружения и то, что под руководством Англии и США капиталистические государства сколачивали блоки для нового нападения на Советскую страну, съезд дал директиву Центральному Комитету не поддаваться на провокации, вести настойчивую борьбу за мир во всем мире, укреплять союз с международным пролетариатом и угнетенными народами, всемерно усиливать обороноспособность страны и мощь ее вооруженных сил» (История Коммунистической партии... 1978: 349). А это означало, во-первых, ускоренное развитие промышленности (курс на социалистическую индустриализацию), чтобы не зависеть от мирового капитализма; во-вторых, укрепление сплоченности страны, а тем более ее «руководящей силы» – партии; в-третьих, за счет достижений СССР обеспечение более значимого воздействия на международное коммунистическое движение¹¹.

На съезде проявилась «новая оппозиция» во главе с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым. Первый занимал пост председателя Исполкома Коминтерна, второй – председателя Совета труда и обороны. Можно говорить о серьезном сдвиге в государственной политике: от ориентации на других («мировая» или «перманентная» революции) к сосредоточению сил внутри (экономическая и военная суверенизация). Это означало важный этап изменения стратегии. Революция в России перестала быть просто «эпизодом» мировой революции. Была поставлена задача создания *центра* для последующего обеспеченного государственной мощью расширения социалистического пространства.

На значение, которое придавалось деятельности Коминтерна, косвенно указывает и следующий небезынтересный факт в истории Второй мировой войны. Как известно, западные союзники долгое время оттягивали открытие второго фронта. Понятно, что открытая

¹¹ После мощного подъема коммунистическое движение, несмотря на активную поддержку Коминтерна, стало постепенно уменьшаться. К примеру, германская и чешская компартии к III съезду Коминтерна (1921 год) насчитывали соответственно 500 и 400 тысяч членов, а к 1925 численность КП Германии упала до 114,2 тысяч, КП Чехословакии – до 125 тысяч к 1926 году (Малая... 1930).

война на подступах к Германии была чрезвычайно трудной и рискованной операцией и мотивировка неготовности англо-американских войск к ведению такого масштабного наступления, конечно, обусловлена стремлением избежать серьезных потерь. Однако после известного заседания Президиума Исполкома Коминтерна 15 мая 1943 года было принято решение о роспуске этой организации с мотивировкой: «Опыт борьбы показал, что объединение прогрессивных сил и мобилизация масс против фашизма и реакционных сил в капиталистических странах, входивших в антигитлеровскую коалицию, лучше всего могут быть осуществлены коммунистическими партиями каждой страны вне рамок Коминтерна. Необходимо было также разоблачить буржуазную клевету, будто коммунистические партии действуют не самостоятельно, не в интересах своего народа, а по указке извне» (История Коммунистической партии... 1978: 494).

Примечательно, что в это время Сталиным и Черчиллем обсуждалась антисоветская кампания в польской эмигрантской прессе (Переписка... 1957), связанная с Катынской трагедией, за которой последовал разрыв отношений между СССР и Польским правительством в изгнании. Затем в СССР было создано параллельное «советское» эмигрантское польское правительство. Вкупе с последовавшим вскоре восстановлением патриаршества (Архиерейский Собор состоялся 8 сентября 1943 года; патриархом был избран митрополит Сергей – И. Н. Страгородский [Русское... 1989]) эти события в определенной степени отразили давление западных союзников, озабоченных растущим политическим влиянием СССР и вместе с тем стремившихся хотя бы в некоторой степени ослабить идеологическое давление в самом Советском Союзе. На мой взгляд, «уступки» были сделаны в связи с тем, что политическая география послевоенного мира стала принимать новые очертания. В этих условиях для Сталина важнее была задача консолидации и укрепления имиджа своей страны и перспектива создания более мощного «имперского пространства», в чем деятельность православной церкви могла сыграть важную роль.

Западные союзники, конечно, в наибольшей степени были «воодушевлены» уверенными военными успехами СССР в 1943 году и понимали, что дальнейший «монопольный» разгром Германии может дать СССР значительные преимущества в послевоенном переустройстве в Европе. Но нельзя отрицать и, так сказать, *идеологического* фактора в желании «смягчить» советское влияние. Долго

откладывавшееся открытие второго фронта вдруг получило новый импульс. Англо-американские союзники занялись практической разработкой операции по высадке союзных войск в Нормандии. На конференции в Квебеке в этом же году среди важнейших обсуждался и этот вопрос. «Первое пленарное заседание состоялось 19 августа. Важнейшее стратегическое значение придавалось комбинированному воздушному наступлению на Германию как необходимой предпосылке к операции “Оверлорд”. Затем генерал Морган резюмировал длительное обсуждение операции “Оверлорд” в свете совместного планирования в Лондоне» (Черчилль 1991: 45).

Однако попытка Черчилля оградить мир, прежде всего западный, от коммунистической экспансии не смогла реализоваться. В итоге Второй мировой войны *оформился* так называемый «биполярный мир». Возникло и расширялось пространство *коммунистического* влияния. Совершенно логичной оказывается знаменитая речь в Фултоне, обозначившая начало «холодной войны». Новая «война» ставила своей основной целью не столько захват территорий, сколько «борьбу» за *пространство влияния*. По существу, она наметила новые глобализационные проекты: мир социализма и мир капитализма. Однако в каждом из «миров» не прекращались процессы дифференциации. Ориентация стран так называемого «третьего мира» являла собой особую среду, в которой наиболее отчетливо просматривались результаты деятельности первых двух.

Неоглобализм

После распада СССР создались условия для перехода к монополярности. Глобализация как универсализация («общечеловеческие ценности») продолжает свое наступление, подчас вовсе не мирными средствами. Конец «идеологического противостояния», по мнению некоторых авторов, отразил «конец истории» (Фукуяма 1990), полную победу либерализма. Действительно, основные ориентиры мирового развития сконцентрировались в системе «западной демократии». Но одновременно стали раздаваться голоса и за многополярность, за многовариантность развития.

Как «ответ» на глобализирующее воздействие в сфере экономики стали возникать объединения регионального сотрудничества. На рубеже 2001 года было подписано 19 таких соглашений. «Регионализация, во-первых, является следствием углубляющегося международного разделения труда, увеличения влияния внешних факторов на воспроизводство, требующего выхода производства

за национальные границы; во-вторых, представляет собой инструмент оптимизации экономики, повышения эффективности производства и выравнивания региональных структур; в-третьих, служит средством поддержания относительного равноправия в мире огромного неравенства потенциалов отдельных стран, в-четвертых, она – порождение глобализации и одновременно инструмент противодействия негативным последствиям глобализации» (Широков 2004: 56).

Подобные организации представляют собой по сути такие же интегративные процессы, как и глобализация, имевшая место в истории человечества, но иные средовые условия придают им и принципиальные отличия. Регионализация осуществляется в двух основных формах: региональные державы и так называемые «треугольники развития». В силу экономических и демографических причин, а также в определенной мере благодаря историческим традициям региональная держава становится ведущим центром прежде всего политического влияния. При этом возможны определенные экономические интересы. Как правило, возникновение региональной державы предполагает неравенство сопредельных государств (Широков 2004).

Важным представляется и иной аспект процесса. «При обосновании цивилизационных претензий Китая и Индии на лидерство нельзя не отметить и расовый фактор, на который постоянно обращают внимание прежде всего в Индии (противостояние «белых», с одной стороны, и «желтых», «черных» и «коричневых» – с другой). Гегемония «белых» цивилизаций и культур не могла не вызвать у других сильного стремления к реваншу, а именно сейчас начинают появляться и первые возможности... Все это приводит к тому, что другие региональные державы зоны Юга (Бразилия, Индонезия и т. д.) с геополитической и психологической точек зрения скорее склонны к сотрудничеству с Китаем и Индией, чем с Западом» (Лунев, Широков 2001: 213–214). Таким образом, культурологический принцип оказывается сильнее прагматизма.

«Особым подвидом регионализации являются... “треугольники развития”, возникающие в ходе глобализации экономики... Однако такой тип интеграции придает всему развитию анклавный характер, при котором эти районы по всем показателям могут значительно обгонять остальные территории страны. Вследствие этого воспроизводственные связи формируются не между странами в целом, а в рамках этого “треугольника”. Это может привести

как к неблагоприятным экономическим последствиям, так и к нарастанию партикуляристских или сепаратистских движений в данном районе» (Широков 2004: 63).

В процессах глобализации немаловажную роль играет и такой фактор, как неравномерное развитие, приводящее к специализации крупных регионов. «К концу XX века экономика развитых стран превратилась преимущественно в сервисную, где большая часть занятых и основная часть ВВП производится в сфере услуг и обращения. Наоборот, развивающиеся страны во все большей степени превращаются в индустриально-аграрные общества. В результате нового разделения труда продукция непродуцированной деятельности развитых стран обменивается на материальные ресурсы развивающихся стран. Иными словами, выигрывают от глобализации в этом случае развитые страны-потребители и проигрывают развивающиеся страны-производители» (Володин, Широков 2002: 126–127).

«В данных условиях возможности маневра мирового лидера (или державы, претендующей на эту роль) оказываются ограниченными. Поскольку ему приходится иметь дело не только с индивидуальными государствами, но и с их объединениями (разного типа), ему оказывается сложнее навязать свои интересы региональным державам или интеграционным группировкам. В этом смысле попытка создания однополярного мира представляется запоздавшей: возможно, она могла бы увенчаться успехом в начале 90-х годов, сразу после распада СССР и социалистической системы. За истекшее же десятилетие заметно укрепились и расширились интеграционные объединения, выросла мощь крупных держав, особенно Китая и Индии, окрепли связи региональных держав со своими “зонами влияния” и пр. Поэтому монополярный мир может быть построен лишь путем ограничения или устранения сложившихся организационных структур, что потребует от мирового лидера противостояния множеству государств и широкого применения насилия» (Широков 2004: 65–66).

Смену тысячелетий человечество встретило в тревожном предчувствии опасности, связанной с обострением экстремистских движений, охвативших обширные регионы мира. Все чаще раздаются голоса о неизбежности столкновения цивилизаций Запада (христианство) и Востока (ислам). Особенно усилились разговоры об исламском экстремизме, все более ислам стал рассматриваться

лишь в аспекте глобальной политики, все менее заметны рассуждения о мультикультурности и многополярном мире. Во многом это объясняется как реальным напряжением, переживаемым мировым сообществом в условиях террористической угрозы, так и особенностями человеческого сознания, стремящегося схематизировать полифонию жизни общества в доступных пониманию представлениях. Таким образом, глобализационные процессы современности оказались довольно противоречивым процессом. С одной стороны, гегемония великой державы, расширяющей сферу влияния, столкнулась с противодействием «новой периферии», приведшей к образованию региональных центров. С другой – идеологическое противопоставление либерального Запада «деспотическому» (недемократическому, автократическому, тоталитарному и т. п.) Востоку и особенно *исламскому миру* не могло не сказаться на консолидации внутри этих двух миров. «Триумф Запада, *западной идеи* очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив» (Фукуяма 1990: 134). Сам же Запад «спровоцировал» появление таких альтернатив, хотя бы в виде так называемого *фундаментализма*. Попытки унифицировать человеческие ценности вызвали к жизни обращение к традиционным ценностям, противопоставляемым в целом «западным». Но такое «искусственное возрождение» создает большие проблемы и для фундаменталистов. По сути, речь не может идти о возврате к Традиции, а лишь о современном ее подобии, причем это подобие «выстраивается» не путем воссоздания, а как контркультура, противопоставляемая современной.

И все-таки, резюмируя этот экскурс, можно сказать, что странственно-трансформативные возможности современного мира остаются далеко не исчерпанными, несмотря на многократно усиливающееся универсализирующее воздействие.

Литература

Александрия, древнерусский текст и перевод на современный язык. *Изборник*. 1969. М.: Худ. лит-ра.

Библия. Т. 1. Ветхий Завет: от Бытия до Книги премудрого Иисуса, сына Сирахова. 1990. Б/м: Духовное просвещение.

Бромлей, Ю. В. 1973. *Этнос и этнография*. М.: Наука.

Брук, С. И. 1986. *Население мира: этнодемографический справочник*. М.: Наука.

Володин, А. Г., Широков, Г. К. 2002. *Глобализация: начала, тенденции, перспективы*. М.: ИВ РАН.

Гюйонварх, К.-Ж., Леру, Ф. 2001. *Кельтская цивилизация*. СПб. – М.: Культурная инициатива – Моск. философ. фонд.

Ильин, М. В., Бака, П. 2002. Разгадывая Европу. Загадка первая: *translatio imperii*. *Космополис* 1, осень. Интернет-ресурс. Режим доступа: www.gami.ru

История Древнего Востока. Расцвет древних обществ. 1982. М.: Наука.

История Ирландии. 1980. М.: Мысль.

История Коммунистической партии Советского Союза. 1978. М.: Полит. лит-ра.

Ковалев, С. И. 1936. *История античного общества. Эллинизм. Рим*. Л.: Соцэкгиз.

Коростовцев, М. А. 1976. *Религия Древнего Египта*. М.: Наука.

Ксенофонт. 1977. *Киропедия*. М.: Наука.

Культура Древнего Рима: в 2 т. Т. II. 1985. М.: Наука.

Левек, П. 1989. *Эллинистический мир*. М.: Наука; Вост. лит-ра.

Лингвистический энциклопедический словарь. 1990. М.: Советская энциклопедия.

Лунев, С. И., Широков, Г. К. 2001. *Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Азии*. М.: Academia.

Любимов, Ю. В.

1996. Надир-шах. *Исторический лексикон. XVIII век* (с. 482–484). М.: Знание-ГИЦ «Владос».

2007. Знание как образ и событие. *Философские науки* 4: 96–113.

Малая Советская энциклопедия: в 10 т. Т. 4. 1930. М.: Советская энциклопедия.

Народы мира. Историко-этнографический справочник. 1988. М.: Советская энциклопедия.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. 1957. М.: Госполитиздат.

Русское православие. Вехи истории. 1989. М.: Полит. лит-ра.

Салицкий, А. И. 2004. Глобализация и регионализация: взгляд из Поднебесной. *Экономика развивающихся стран: сборник статей памяти В. А. Яшкина* (с. 162–180). М.: Гуманитарий.

Тураев, Б. А. 1935. *История Древнего Востока*: в 2 т. Т. II. Л.: Соцэкгиз.

Фукуяма, Ф. 1990. Конец истории? *Вопросы философии* 3: 134–148.

Хрестоматия по истории Древнего Востока: в 2 ч. Ч. 2. 1980. М.: Высшая школа.

Черный, Э. 1997. *Греческая грамматика*. М.: Православная классическая гимназия.

Черчилль, У. 1991. *Вторая мировая война*: в 3 кн. Кн. 3 (V). М.: Воениздат.

Широков, Г. К. 2004. Регионализация: новые тенденции мирового развития на рубеже XX и XXI веков. *Новая и новейшая история* 4: 55–66.

Шукуров, Ш. М. 1999. Александр Македонский и метаистория образа. *Чужое: опыты преодоления* (с. 33–61). М.: Алетейа.

Шукуров, Ш. М., Шукуров, Р. М. 2001. *Центральная Азия. Опыт истории духа*. М.: Центр стратег. планирования Оренбургской обл.

Morris, I. 2003. Mediterraneanization. *Mediterranean Historical Review* V. 18(2), December 30–55. Tel Aviv University.

Роппе, Н. 1959. Ein Mongolisches Gedicht aus den Turfan-Funden. *Central Asiatic Journal* V: 257–294, Hague – Wiesbaden.

Said, E. 1979. *Orientalism*. N. Y.: Vintage Books.